

Камардин Игорь Николаевич

ЛАГЕРЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В ПОВОЛЖЬЕ В ГОДЫ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

Статья посвящена рассмотрению системы становления и организации исправительных трудовых лагерей в Поволжье в годы гражданской войны. Как показало исследование, в условиях отсутствия экономических стимулов к труду лагеря выполняли важную функцию по снабжению предприятий региона дешёвой рабочей силой, что позволяет переосмыслить природу советского государства в области труда. Особое внимание уделяется вопросам функционирования лагерей, социальному составу заключённых и проступкам, приведшим к заключению.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/7-1/21.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 95-98. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

социального взаимодействия, и как результат, выражающий новое социально значимое содержание. Эти положения позволили нам рассматривать генезис культурных форм с точки зрения их социальной значимости и на основе социальных стандартов жизнеобеспечения и хозяйственной деятельности переселенцев. Так, культурные новации санкционировали доминирующее значение земледельческого хозяйственно-культурного типа и его внедрение в социальную практику в качестве нормы и стандарта по применению технологий и получению результата деятельности и социального взаимодействия членов сообщества. Институциональные и конвенциональные «охраняемые» нормы выступали регуляторами социальной жизни общества.

В формо- и нормогенезе культуры переселенцев имела место и диффузия культурных форм казачьей культуры, их интеграция в комплекс культурных стандартов и образов идентичности славянских переселенцев. Параллельно шел обратный процесс активного заимствования культурных форм в казачью культуру из славянской, что привело к размыванию черт культурной самобытности казачества.

Безусловно, процесс порождения культурных новаций проходил и в других сферах жизни переселенцев, но, на наш взгляд, культурные формы и нормы, порожденные в процессе социальной регуляции, социокультурной адаптации, самоидентификации, имеют приоритетное значение как новые социально значимые смыслы, определяющие уровень консолидированности сообщества, превращения локальной культуры в культурную систему.

Список литературы

1. Бентковский И. В. Крепостная колонизация в бывшей Кавказской ныне Ставропольской губернии. Ставрополь, б.г. 6 с.
2. Прозрителев Г. Н. Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношении. Ставрополь: Тип. «Пролетарий», 1925. Ч. 2. 66 с.
3. Стащук Н. И. Заселение Ставрополя в конце XVIII века – первой половине XIX века // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1952. Вып. 4. С. 137-173.
4. Ткаченко Д. С., Колосовская Т. А. Военно-политическая история Северного Кавказа XVI-XIX вв.: факты, события, люди. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. 291 с.
5. Флиер А. Я. Культурология для культурологов. М.: Академический проект, 2000. 496 с.

FORMO- AND NORMOGENESIS OF THE SLAVIC POPULATION CULTURE IN STAVROPOL' TERRITORY

Kalantaryan Lyubov' Alekseevna, Ph. D. in Pedagogy
Stavropol' State Pedagogical Institute
mail@sspi.ru

The author considers the process of cultural forms and norms formation among the Slavic settlers in Stavropol' territory in the XVIIIth-XIXth centuries, while understanding the genesis of cultural forms pays special attention to the understanding of the cultural form as an act of activity and social interaction, its transition into cultural norms and gaining the qualities and functions of normative phenomena in social practice that can define the cultural identity of the Slavic settlers of Stavropol' territory, and tells that the analysis of social-cultural situation allows revealing cultural forms and substantiating the authorial conception of genesis.

Key words and phrases: formogenesis; normogenesis; social-cultural interaction; social-cultural adaptation and consolidation; diffusion of cultural forms.

УДК 94(47)084.3

Исторические науки и археология

Статья посвящена рассмотрению системы становления и организации исправительных трудовых лагерей в Поволжье в годы гражданской войны. Как показало исследование, в условиях отсутствия экономических стимулов к труду лагеря выполняли важную функцию по снабжению предприятий региона дешёвой рабочей силой, что позволяет переосмыслить природу советского государства в области труда. Особое внимание уделяется вопросам функционирования лагерей, социальному составу заключённых и проступкам, приведшим к заключению.

Ключевые слова и фразы: лагеря принудительных работ; Поволжье; заключённые; гражданская война; забастовки; антисоветские волнения.

Камардин Игорь Николаевич, к.и.н., доцент
Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал)
Пензенского государственного университета
sehd@mail.ru

ЛАГЕРЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В ПОВОЛЖЬЕ В ГОДЫ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА[©]

Для современного человека слово «концлагерь» ассоциируется со сталинскими и гитлеровскими репрессиями. Но, как показывают документы, в мировой практике первые концлагеря появились еще во второй

половине XIX века. Для многих обывателей упоминание факта создания концентрационных лагерей в первые годы советской власти вызывает чувство удивления, хотя именно тогда были заложены основы советской репрессивной машины. Концентрационные лагеря были одним из способов перевоспитания неугодных. Идею создания лагерей в первые годы советской власти предложил В. И. Ленин, 9 августа 1918 г. в телеграмме Пензенскому губисполкому писал: «Необходимо организовывать усиленную охрану из отборно надежных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города» [10, с. 95]. 3 апреля 1919 г. коллегия НКВД приняла за основу предложенный Ф. Э. Дзержинским проект постановления ВЦИК «О концентрационных лагерях». В ходе доработки проекта родилось новое название: «лагеря принудительных работ». Оно придавало политический нейтралитет понятию «концентрационный лагерь». 11 апреля 1919 г. Президиум ВЦИК утвердил проект постановления «О лагерях принудительных работ», а 12 мая принял «Инструкцию о лагерях принудительных работ». Эти документы, опубликованные в «Известиях ВЦИК» 15 апреля и 17 мая соответственно, положили начало правовому регулированию деятельности концлагерей.

Первоначальная организация и заведование лагерями принудительных работ возлагались на губернские чрезвычайные комиссии. Рекомендовалось устраивать лагеря с учетом местных условий «как в черте города, так и в находящихся вблизи него поместьях, монастырях, усадьбах и т.д.» [7]. Перед губчека ставилась задача – открыть во всех губернских городах в указанные сроки лагеря, рассчитанные не менее чем на 300 человек каждый. Общее управление всеми лагерями на территории РСФСР поручалось отделу принудительных работ НКВД, фактическое руководство лагерями принудительных работ осуществляли органы ЧК.

Следует отметить, что лагерь принудительных работ превратился в место, куда стали попадать люди, в чем-то провинившиеся перед Советской властью. Появление такого лагеря было прямым следствием политики «военного коммунизма».

Лагеря принудительных работ были открыты во всех губернских городах РСФСР. Численность лагерей быстро росла, к концу 1919 г. на всей территории страны насчитывался 21 лагерь, летом 1920 г. – 122 [1, с. 167]. На территории Поволжья лагеря стали создаваться в 1919 г. В Симбирской губернии работало три лагеря (Симбирский, Сенгелевский и Сызранский) [6]. В Нижегородской существовало два лагеря (Нижегородский и Сормовский) [11]. В Пензенской, Самарской, Саратовской, Астраханской и Царицынской губерниях их было по одному. Инфраструктура лагерей между собой была схожа. Так, в Пензе лагерь находился на Боголюбовском порядке, вблизи кирпичного завода № 2, вмещал около 300 человек [4, д. 848, л. 3]. Территория лагеря была ограждена трехметровым деревянным забором. За забором находилось три барака, построенных по одному типу. В каждом бараке располагалось около 100 нар. К территории лагеря примыкали кухня, сарай для дров, прачечная и два туалета [Там же, л. 6]. По данным архивов в самарском и царицынском лагерях располагались кузнечные, столярные, плотницкая, жестяная, сапожная мастерские для работы заключенных [3, д. 20, л. 3; 14].

Про численность заключенных говорить достаточно сложно, число отбывающих наказание постоянно менялось в зависимости от ситуации в той или иной губернии. Так, в нижегородском лагере на февраль 1920 г. заключенных числилось 1043 мужчины и 72 женщины. В этом же году из-за плохо организованной охраны лагеря сбежало 125 человек [11]. В царицынском лагере в 1921 г. числилось заключенных – 491 человек, из которых в течение года бежало 35 человек [3, д. 113, л. 2]. В саратовском лагере в 1920 г. заключенных насчитывалось 546 человек [5, д. 11, л. 37]. Сохранились сведения о количестве отбывающих наказание в астраханском лагере принудительных работ за период с 1 января по 15 сентября 1921 г. [16, с. 22]. Заслуживает пристального внимания постоянный рост заключенных. Так, если в январе их было чуть более полутора тысяч, то уже к маю их число достигло более 30 тысяч человек. Рост числа заключенных, несомненно, связан с кризисом политики «военного коммунизма».

Документы 1921-1922 гг. говорят о частых волнениях крестьян и трудовых конфликтах на предприятиях региона [9, с. 657]. Интересна статистика по соотношению работающих на предприятиях и в организациях. В основной массе, заключенные использовались на предприятиях. В 1921-22 хозяйственном году многу ранее работавшие предприятия приостановили свою работу.

Набранные в результате принудительных мобилизаций рабочие, не имея материальных стимулов к труду, работали плохо. На заводе «Нобель» в мае прошла забастовка, организаторов и участников приговорили к заключению в лагерь.

Контингент лагерей был разношерстным: тут встречались уголовники, представители имущих классов, служащие, рабочие, военнопленные и дезертиры. В саратовском лагере в 1920 г. отбывали наказание выходцы: из рабочих – 93, крестьян – 79, служащих – 92, интеллигенции – 163, буржуазии – 119 [5, д. 11, л. 37].

В принудительный лагерь можно было попасть за совершенно разные правонарушения. Например, в саратовском лагере в 1921 г. большинство заключенных отбывали срок за контрреволюционные преступления (35%) (среди них – военнопленные, организаторы забастовок, участники крестьянских волнений). На втором месте стояли преступления по должности (27%), к ним относились: халатное отношение к выполняемым обязанностям, прогулы, воровство. На третьем месте стояли преступления, связанные со спекуляцией (14%). Следует отметить, что в этой группе основная масса заключенных была представлена рабочими, занимающимися мешочничеством. Остальных правонарушений насчитывалось немного (менее 10%) [Там же, л. 48].

По сроку пребывания в лагере заключенных можно подразделить на две категории:

Краткосрочники (от 7 до 180 суток). В эту категорию попадали за невыход на работу, варение самогона, распространение ложных слухов. Как правило, эти заключенные жили и питались дома, а работу

выполняли, указанную комендантом лагеря. Так, царицынская рабочая Смоляряшкина Евдотия Гавриловна была осуждена за кражу платья на 20 суток. Черноработчих Машида Серлтая Оглы и Ушпуукта Арчипа Аристарос осудили за спекуляцию на 14 суток [3, д. 113, л. 1-5]. В 1920 г. в Нижнем Новгороде был осужден рабочий государственной мастерской № 6 Ш. Х. Аккер. Вина Аккера заключалась в невыходе на работу в течение девяти дней и дезорганизации работы. Правление союза швейной промышленности на общем собрании постановило Ш. Х. Аккера поместить в лагерь принудительных работ как саботажника на три недели в следующем порядке: две недели работать и ночевать в лагере принудительных работ, а третью неделю работать в мастерской, а ночевать в лагере [11].

Долгосрочники (от 6 месяцев и более). На этот срок наказывали за следующие проступки: грабеж – 1,5 года; пьянство, распространение слухов, порочащих советскую власть, – 3 года; спекуляция, убийство, продажа казенного имущества и выдача незаконных документов – 5 лет. На срок до окончания гражданской войны осудили участников белочешского восстания, участников расстрела рабочих в 1905 году, а также бывших жандармов. Наряду с вышеперечисленными заключенными, в лагерях содержались крестьяне – участники антисоветских выступлений, а также рабочие, участвовавшие в забастовках. Так, царицынских рабочих Сергея Ермолаевича Куряшкина и Алексея Михайловича Крылова приговорили к шести месяцам заключения в лагере за призыв к забастовке на предприятии нефтедобычи [3, д. 113, л. 13]. Рабочего Александра Николаевича Анисимова (27 лет) обвинили в сговоре с кадетами и по решению ревтрибунала наказали отбыванием в лагере сроком на пять лет.

Основная масса заключенных приговаривалась к небольшим срокам. Так, из 1115 заключенных нижегородского лагеря в феврале 1920 г. на срок свыше 5-ти лет было приговорено 8 чел., до 5 лет – 416 мужчин и 59 женщин и без указания срока – 11 человек [13]. В 1920 г. в саратовском лагере принудительных работ в основной массе отбывали наказание сроком до одного года за мелкие противоправные деяния (39%). На втором месте стоял расстрел (28%). В этот период в большевицком праве под расстрелом понималось не только прекращение жизни человека, но и долгосрочное заключение, порой с неопределенным сроком (до начала мировой революции, до окончания гражданской войны и т.п.). Нередко расстрел заменяли тяжелыми физическими работами на длительный срок [5, д. 11, л. 37].

Концентрационные лагеря в первые годы существования советской власти мыслились как исправительно-воспитательные учреждения. Основным средством воспитания считалась трудотерапия. Заключенных использовали как на работах в лагерях, так и за их пределами. Советские учреждения, заинтересованные в получении рабочей силы, должны были подавать заявки в специально созданный отдел общественных работ и повинностей при отделе управления. Больше всего требований поступало с железной дороги и из продовольственных организаций. Заключенные в лагере делились на три категории: злостные, незлостные и надежные. Заключенные первой категории посылались на более тяжелые работы под усиленным конвоем. Надежные заключенные работали в советских учреждениях и на предприятиях города без охраны, но вечером обязаны были явиться в концлагерь, они работали в госпиталях, на транспорте и заводах. Если заключенных посылали в какие-либо организации, расположенные не в городе, им предоставлялось право жительства на частной квартире. При этом они давали подписку о еженедельной регистрации и о том, что не будут вести агитацию против советской власти. Следует отметить, что рабочие, не заинтересованные в труде экономическими стимулами, работали с крайне низкой производительностью. Так, власти Саратова постоянно жаловались на работу заключенных лагеря. В убойно-холодильном пункте, где в основном работали заключенные концентрационного лагеря, отмечались саботаж, дискредитация советской власти и крупные хищения [Там же, л. 33].

Помимо основных работ в лагере проводились различные субботники и воскресники, например, по выгрузке дров и т.д. Для заключенных был установлен 8-часовой рабочий день на физических работах и чуть больший – на канцелярских. Позже рабочий день был сокращен до 6-ти часов. Никакой ответственной работы заключенным не доверяли. К 6-ти часам вечера заключенные были обязаны прибыть в лагерь. В противном случае они объявлялись беглыми и подлежали наказанию при поимке.

Особенностью этого времени была выплата заработной платы заключенным после освобождения.

Распорядок дня в лагере выглядел так:

05.30. Подъем. Заключенные пили чай.

06.30. Заключенные отправлялись на работу.

15.00. Кормили обедом.

18.00. Подавали ужин, после которого объявлялся отбой [4, д. 848, л. 5].

Питание заключенных было скудным, лишь к 1921 г. оно стабилизировалось. Поставка продовольствия осуществлялась через единое потребительское общество, а для улучшения питания силами заключенных обрабатывались огороды.

Одним из средств воспитания в лагерях объявлялось искусство, для чего в лагерях была организована библиотека, читались лекции, работали курсы ликбеза, бухгалтерские, иностранных языков, даже существовали собственные театры. Но реального результата культурная деятельность не давала [3, д. 113, л. 3].

Дважды в год в концлагерях проводились амнистии: первомайская и ноябрьская. Заявления о досрочном освобождении принимались комендантами лагерей от заключенных только после отбывания половины срока наказания, а от осужденных в административном порядке – после отбывания трети срока.

Так, осужденного на три года саратовского рабочего за агитацию против советской власти амнистировали, сократив срок отбывания наказания до одного года [5, д. 176, л. 3]. В Нижнем Новгороде по амнистии ВЦИК от 04.11.1920 г. освободили 310 человек [12].

Лагерь обслуживал персонал, служивший по вольному найму и получавший тыловой паек. Кроме пайка, служащие лагеря получали заработную плату. Сохранилась ведомость на выдачу жалования служащим астраханского концентрационного лагеря, где упоминается следующий состав: комендант, завхоз, делопроизводитель, помощник делопроизводителя, счетовод, конторщик, курьер, каптерщик, повар, помощник повара, портной, столяр, конюх, сапожник, два старших надзирателя и пять младших надзирателей. Так, зимой 1921 г. комендант астраханского лагеря Семен Миронов, совмещая должности коменданта и казначея, получал 7330 рублей. Делопроизводитель за работу получал 3380 руб., а повар – 2730 руб. [2, д. 23, л. 13]. В связи с дефицитом вольнонаемной квалифицированной рабочей силы к неадминистративным должностям привлекались заключенные (счетовод, повар, конюх и т.д.). В смену охраняло заключенных около 30 человек.

Два раза в неделю в лагерь должен был приходить врач для осмотра арестованных. В то же время в январе 1921 г. в нижегородском лагере отмечалось, что медицинского персонала в настоящее время нет, врач, фельдшер и сестра лежат в больнице. В связи с растущей эпидемией тифа решено было приостановить работу лагеря. Лагерь, рассчитанный на 200 человек, вмещает 371. Больны тифом – 56 человек, возвратным – 218, дизентерией – 10, умерло – 21. На лагерь власти вынуждены были наложить карантин [12].

После окончания гражданской войны и провозглашения нэпа лагеря были переведены на самоокупаемость. В условиях рыночных отношений они стали сокращаться за ненадобностью. Лагеря по всей стране стали закрывать, так, в августе 1922 г. оставшихся заключенных из Пензы перевели в моршанский концентрационный лагерь, дальнейшая их судьба, к сожалению, неизвестна [15].

Вряд ли исследователям когда-нибудь удастся в полном объеме документально воспроизвести картину создания и функционирования лагерей принудительных работ в первые годы советской власти. Выявленные материалы позволяют сделать вывод, что появление лагерей связано напрямую с системой становления внеэкономического принуждения к труду, а также с попытками власти изолировать непокорных членов общества. Численность и состав заключенных зависели от военных действий на фронтах, а также от экономической и политической ситуации в конкретной губернии. Основная масса заключенных в лагерь попадала за трудовое дезертирство, участие в крестьянских волнениях и забастовках. С введением нэпа и окончанием гражданской войны подневольный труд показал свою неэффективность, что заставило власть отказаться от внеэкономического принуждения к труду. Следует отметить, что уже апробированную систему подневольного труда советская власть продолжала внедрять в более поздний период.

Список литературы

1. Власть и общество в СССР / под ред. М. И. Иванова. М., 1999.
2. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. Р-1. Оп. 14.
3. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-274. Оп. 1.
4. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-2. Оп. 1.
5. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-521. Оп. 4.
6. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-200. Оп. 2.
7. Известия ВЦИК. 1919. 15 апреля.
8. Известия ВЦИК. 1919. 17 мая.
9. История Астраханского края. Астрахань: АПГУ, 2000.
10. Ленин В. И. Телеграмма Пензенскому губисполкому // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1963. Т. 50.
11. Нижегородская коммуна. 1920. 2 февраля.
12. Нижегородская коммуна. 1921. 6 января.
13. Нижегородская коммуна. 1921. 27 февраля.
14. Самарский губернский исполнительный комитет. Самара, 1921.
15. Трудовая правда. 1922. 24 августа.
16. Экономическая жизнь. 1921. № 10

FORCED-LABOUR CAMPS IN VOLGA REGION DURING WAR COMMUNISM

Kamardin Igor' Nikolaevich, Ph. D. in History, Associate Professor

*Kuznetsk Institute of Information and Management Technologies (Branch) of Penza State University
sehd@mail.ru*

The author considers the system of correctional labour camps formation and organization in Volga region during the Civil War, shows that under the conditions of the absence of economic incentives to labour the camps performed an important function of the region enterprises provision with cheap labour force that allows rethinking the nature of the soviet state in the sphere of labour, and pays particular attention to the camps functioning, the social composition of prisoners and misconduct that led to imprisonment.

Key words and phrases: forced-labour camps; Volga region; prisoners; civil war; strikes; anti-soviet disorders.